

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Совет молодых ученых

Научно-методический отдел по работе с молодыми учеными
и специалистами университета управления
научных исследований СПбГУ

ЧЕЛОВЕК. ПРИРОДА. ОБЩЕСТВО АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Материалы

*14-й международной конференции
молодых ученых 26–30 декабря 2005 г.*

В 2 частях

Часть I

Издательство Санкт-Петербургского университета
2006

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ИСТОРИИ Ф. АНКЕРСМИТА

Главный вызов постмодернизма истории направлен против ее представления о существовании внеположенной субъекту исторической реальности. Прошлое не дано нам непосредственно, а исторический источник — непрозрачен, он не дает нам картину прошлого, но лишь интерпретацию прошлого, которую, в свою очередь,

---

Аникина Александра Борисовна — магистр философии; аспирант философского факультета Новосибирского государственного университета (e-mail: lieda@gorodok.net)

интерпретирует историк. Объект исторического познания воспринимается постмодернистами как то, что конструируется языковой и дискурсивной практикой. Самые радикальные из постмодернистских исследователей провозгласили и источник, и конечный труд историка результатом художественной деятельности.

Голландский ученый Франклин Анкерсмит принадлежит к числу тех философов, которые отошли от крайностей постмодернизма, стремясь не только критиковать традиционные подходы к изучению истории, но предлагать новые с учетом поставленных проблем. Основу своей эпистемологии Анкерсмит возводит к Аристотелю, противопоставляя его концепцию картезианской. В отличие от трансценденталистского субъекта, который преобразовывает мир в свете собственных представлений о нем, восприятие у Аристотеля «имеет противоположную направленность: оно принимает форму объектов внешнего мира» (105)¹. Постулируется некая непрерывность между объектами внешнего мира и содержанием сознания субъекта, благодаря которой только и возможно познание. На подобной тождественности и непрерывности Анкерсмит основывает возможность восприятия истории. Конечно, Анкерсмит не отстаивает буквальную трактовку теории Аристотеля, но считает верной ее направленность.

Далее Анкерсмит перелагает концепцию восприятия Аристотеля: «В реальности сознание не заполнено формами объектов мира; чтобы эффективно воспроизвести эти формы в случае необходимости, сознание должно активизировать свою *потенциальность*» (105). Чтобы историк мог адекватно воспринять исторический источник, в его сознании должна быть некая потенциальность, образ прошлого, о котором этот источник свидетельствует. Вернее, если следовать Анкерсмицу, это должен быть опыт прошлого. Это приводит к вопросу: откуда историк имеет опыт прошлого, недосягаемого для восприятия и для запечатления в опыте?

Отвечая на этот вопрос, Анкерсмит вводит категорию ностальгии. Он начинает с описания ностальгии как личного переживания о собственном прошлом, распространяя его на отдаленные эпохи, свидетелем которых субъект ностальгии никогда не был. Ностальгия — различие между прошлым и настоящим, и в этом различии — их единство. Это осознание недостижимости прошлого. Воспроизведение условий объекта ностальгии не принесет удовлетворения, не воскресит того, что утрачено, но только воображение дает воз-

возможность вновь пережить тень тех чувств. И через это возможно преодоление пространства и времени. Ностальгия — соединение места и времени, и эмоций. Именно в силу этого своего качества ностальгия может дать нам опыт прошлого.

Раскрыть суть ностальгии как инструмента исследования прошлого проще в свете идей М. М. Бахтина. Один из основных постулатов Бахтина заключается в представлении о гуманитарном познании как диалоге. Такой подход позволяет «преодолевать чуждость чужого», подлежащего познанию, «без превращения его в чисто свое»². Анкерсмит в свою очередь осуждает метафорическую модернистскую историю за стремление присвоить прошлое и свою методологию пытается построить на уважении к различию между прошлым и настоящим.

Второй важный постулат Бахтина, тесно связанный с первым, гласит, что важнейшее условие понимания — вневходимость понимающего по отношению к тому, что он изучает. «Вневходимость — самый могучий рычаг понимания. Чужая культура только в глазах *другой* культуры раскрывает себя полнее и глубже. Один смысл раскрывает свои глубины, соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними возникает как бы *диалог*, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов»³. Для Анкерсмита это подчеркнутое удаление во времени одной эпохи от другой, принципиальная невозможность сближения прошлого как объекта познания и настоящего как условия существования исследователя: «То, что является наиболее характерным и типичным для эпохи, ей самой не известно. Это видно только в последующей, следовательно, свидетельство обретает свой смысл и значение только через конфронтацию с менталитетом более поздней эпохи, в которой историк живет и пишет» (332).

Таким образом, Анкерсмит утверждает, что не прошлое как таковое является объектом изучения, но различие между прошлым и настоящим, которое становится центральным в исследовании. В модернистской теории историк стремится быть отстраненным не только от прошлого, но и от настоящего, пытается встать над временем чтобы беспристрастно судить, «как оно было». Постмодернисты же провозглашают, что историк неотделим от истории, он погружен в исторический процесс, и такая погруженность его в бахтинский диалог разных эпох является залогом возможности осознания их различия и понимания прошлого.

Таким образом, становится ясно, почему именно ностальгия является наилучшим методом рассмотрения прошлого. По мнению Анкерсмита, чувство ностальгии позволяет объединить исследуемое прошлое и настоящее, подчеркивая в тоже время их различие. Он выделяет такие особенности ностальгии: она связана с чувством смещения или с самим процессом смещения — во времени и пространстве; при этом ностальгия всегда торопит нас уничтожить это смещение, но без какой-либо последовательности в достижении этой цели. Так подчеркивается недостижимость прошлого момента. Причем, в отличие от модернистской исследовательской концепции, полагавшей, что, восстановив все черты и события прошедшей эпохи, мы получим прошлое как таковое, ностальгия подчеркивает невозможность такого воспроизведения. Поскольку ностальгия — это личное переживание историка, то она обеспечивает погруженность его в исторический процесс, причастность не только к настоящему, но и к прошлому. И в этой двусторонней причастности различие эпох познается наиболее остро, а значит, познается и реальность прошлого.

Перенесение такого личного переживания как ностальгия, касающегося индивидуального прошлого, на отдаленные исторические эпохи, свидетелем которых ностальгирующий субъект не являлся, представляется спорным. Но вместо доказательств возможности такого перенесения, Анкерсмит приводит несколько примеров, утверждая, что «было бы донкихотством отрицать явную ностальгию в случае очарованности Петрарки или Гельдерина классической стариной, в идеализации Росином средневековья или в возвеличивании Мишле великой Революции» (379). Анкерсмит просто постулирует существование ностальгии как чего-то уже данного, что теперь необходимо исследовать и использовать в целях более глубокого понимания прошлого. Он утверждает, что с точки зрения ностальгических переживаний нет принципиальной разницы между индивидуальным и коллективным прошлым. Возможность ностальгии как опыта отдаленного прошлого он выводит из ее предполагаемой значимости для понимания истории: «Как только мы отказались от историзма и стали рассматривать исторический опыт как опыт ностальгического различия, исчезли все непреодолимые препятствия для существования понятия исторического опыта отдаленного и коллективного прошлого» (382).

Теперь становится ясно, откуда появляется потенциальность со-

знания познающего, которая активизируется историческими источниками: она определяется ностальгическим опытом прошлого. Как нам представляется, ностальгический опыт прошлого в свою очередь невозможен без предварительного знакомства познающего субъекта с тем периодом истории, который его интересует, но это знание не будет подлинным пониманием прошлого, если оно не сопровождается стремлением окунуться в его атмосферу и острым осознанием невозможности этого, осознанием различия «тогда» и «сейчас», т. е. чувством ностальгии. В ностальгическом опыте история — это часть нас самих, ставшая вдруг независимой от нас, незнакомой. Такой подход обеспечивает аристотелевскую непрерывность между объектом и субъектом познания, не объединяя их, не уравнивая, как это делает истористская эпистемология.

Анкерсмит предлагает решение и другого затруднения истористского изучения истории. Непрозрачность исторических источников он обратил на пользу историкам. Он отталкивается от высказанной Лиотаром идеи, что действительно ценная информация не есть конечный результат, но должна инициировать новую информацию. Для модернистов в рамках научного мировоззрения историческое свидетельство есть простое повествование о прошлых событиях, а главная цель работы историка — восстановить картину прошлого так, чтобы к ней нечего было добавить. Но эта цель не была достигнута на практике. И, видимо, не может быть достигнута в свете проблемы интерпретации текста (источника). Но для постмодернистов свидетельство указывает не на прошлое, но на другие интерпретации прошлого. Анкерсмит проиллюстрировал это следующим образом: «Для модерниста свидетельство есть плита, которую он снимает, чтобы увидеть, что лежит под ней, для постмодерниста это — плита, на которую он ступает, чтобы двигаться к другим плитам» (330). В такой трактовке непрозрачность источника также перестает быть проблемой, но будучи осознана как непреложный факт действительности встраивается в способы познания.

Таким образом, Франклин Анкерсмит строит эпистемологию истории с учетом постмодернистской критики. Он предлагает узаконить и практически использовать взаимопереплетенность субъекта и объекта познания, в данном случае — прошлое и сознание историка.

---

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на издание «История и тропология: взлет и падение метафоры» (М., 2003).

² *Бахтин М. М.* К методологии гуманитарных наук // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 371.

³ *Бахтин М. М.* Ответ на вопрос редакции «Нового мира» // Там же. С. 334.